

Татьяна Шкапенко
(Калининград)

В ПОИСКАХ КОРНЕЙ ДОБРА И ЗЛА

Обратим свой филологический взор к России начала XIX столетия. По миру еще не бродил призрак когнитивной лингвистики, хотя кредо *cogito ergo sum* еще не утратило своей актуальности. Языковеды еще не корпели над штудиями по вычислению разницы между значением собаки и ее концептом. Это уже в наше время стало понятно, что «в интенционал понятия "собака" входят: [животное], [позвоночное], [млекопитающее], [семейство псовых], [живородящее], [плотоядное], [одомашненное] и др. В то время как в интенционал концепта «собака» — только: [быть животным], [иметь хвост], [лаять], [мочь укусить]» [1, с. 5]. Хладные и безжизненные фреймы еще не расчленили языковую действительность на отдельные порции. Это уже в наше время язык попал в силки концептов и фреймов, словно пышнотелая дама Эпохи Просвещения — в корсет и фижмы. В те времена язык простирался в своей трогательной невинности перед оком взыскующего его глубин исследователя.

Не было тогда на Руси и языковедов, которые ведали только один язык — свой родной. Зато были адмиралы флота российского, в перерывах между баталиями составлявшие «Трехязычный морской словарь на Английском, Французском и Российском языках в трех частях», боролись против засилия на Руси французского языка и пытались узреть корень мироздания, сочиняя «Славянорусский корнеслов». Кстати, ведаете ли вы о том, что сочинять — сие значит «ставить по чину, связно, творить умственно, производить духом» [3]?

Чин за чином, и все — чином

Каждое время имеет своих героев и предателей, солдат и полководцев, литераторов и цензоров, губернаторов и копи-райтеров (Да простит меня пребывающая на небесах душа героя сего рассуждения за слово суемудрое!) Причем *имеет* — как в прямом, так и в переносном, неблагоприятном, смысле этого слова. Как следует из полисемической его природы, глаголом можно не только жечь сердца, но и... Эта житейская амбивалентность слова «иметь» как нельзя лучше (или хуже) относится к нашему позабытому герою. За свою долгую жизнь Александр Семенович Шишков (1754—1841) воплотил в себе столько вышеперечисленных ипостасей, что даже энциклопедии с некоторой растерянностью выстраивают иерархию его чинов: «Русский писатель, военный и государственный деятель. Государственный секретарь и министр народного просвещения. Один из ведущих российских идеологов времен Отечественной войны 1812 года, известный консерватор, инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 года. Президент Российской академии, филолог и литературовед. Адмирал» [4]. Адмирал — это, так сказать, ко всему прочему.

Чуть ли не век служил Шишков верой и правдой четырем русским царям. Командовал боевыми фрегатами и отличился в сражениях во время русско-шведской войны 1788—1790 годов, за что Екатерина II наградила его золотой саблей с надписью «За храбрость» и осыпанной бриллиантами золотой табакеркой. При Павле I дослужился до чина вице-адмирала, а затем оказался в опале и был удален от двора.

Как известно, опальные периоды сослужили неплохую службу в истории нашей культуры, подарив нам плоды Болдинской осени и лермонтовской ссылки на Кавказ, герценовские «Былое и думы» и солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Во время своего отречения от должностей Шишков с головой уходит в филологические изыскания: издает свои «Сочинения и переводы», в том числе «Слова о полку Игореве», организует частные собрания литераторов, известные под названием «Бесед любителей русского слова». Однако, когда Бонапарт приблизился к границам России, Александр I вспомнил про опального адмирала и пожаловал ему чин государственного секретаря. В эту тяжелую годину Отечественной войны отставной адмирал становится автором текстов приказов армиям и рескрипта графу Салтыкову о вступлении неприятеля в Россию, воззвания и манифеста о всеобщем ополчении, известия об оставлении Москвы русскими войсками. Ма-

нифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России, понимали дух русского народа и поддерживали его в тяжелые дни поражений. Со страниц этих документов на нас глядит не пресно-бесполезный копи-райтер, как это свойственно нынешним временам, но страстный и вдохновенный копье-писатель (Да благословит наш перевод заморского гибрида пребывающая на небесах душа героя сего рассуждения!). «Сей муж *отечестволюбивый* писал от имени царей манифесты, да таким трепетным и высоким стилем, что современники говорили: "Шишков один двигает всенародным духом"» [3]. Один из современников, Александр Пушкин, писал:

Сей старец дорог нам: друг чести и народа,
Он славен славою двенадцатого года.

Он звал назад, ведя вперед

В 1824 году Шишков был назначен на пост министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий. Уже десять дней спустя новый министр представил доклад об искоренении тайной крамолы путем ужесточения цензуры, в целом одобренный Александром. На первом же заседании Главного правления училищ Шишков сформулировал основные направления просвещения и образования. Он объяснил, что министерство должно оберегать юношество от заразы «лжемудрыми умствованиями (вероятно, аналог современных борзописцев на интернет-форумах. — Т.Ш.), ветротленными мечтаниями (аналог современных грез об эмиграции. — Т.Ш.), пухлой гордостью и пагубным самолюбием (аналог современных грез о собственном бизнесе. — Т.Ш.), вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и через то делающим его в старости юношею» [3].

Мысли адмирала и министра, публициста и гражданина о пользе и вреде образования опережали свою эпоху на два столетия, поэтому были недоступны современникам, упрекавшим его в консерватизме. «Сверх того, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще

вредным гражданином» [3]. Как видим, уже в то время Шишков вбросил в российское общество передовую идею введения в школах дисциплин по выбору.

Узрел он начало конца и в антицивилизационной выходке декабристов, став членом Верховного уголовного суда над ними. Но как же глубоко и как горько он заблуждался, воспевая осанну русскому языку за то, что тот не имеет «слова *революция* и даже равнозначащего ему!»! Заклинал ведь мудрейший человек: «Да не будет оно никогда тебе известно, и даже на чужом языке не иначе, как омерзительно и гнусно!» [3]

Ан нет! Напрасно радовался старик: вдали столетий

Уж рвался из груди народных крик и вздохи междометий...

Чего лучше быть русским?

Люди с таким размахом деятельности всегда оставляют свой след в истории и памяти народной. Адмирал флота российского (о, ирония судьбы!) оставил в истории России лишь мокрый след. Именно «мокроступы», предложенные им в качестве альтернативы «импортным галошам», зломнились потомкам. То, что в нашем коллективном бессознательном от семнадцатитомного издания сочинений Шишкова осталось только одно его «мокрое дело», свидетельствует скорее о нас, нежели о Шишкове. Ведь, согласитесь, те, кто выступает за русское, коренное-корневое, никогда не были у нас в чести. При одной мысли о том, что окошко в Европу может захлопнуться, нам становится дурно и тошно. Нам хочется схватить борца противу счастья гламурного за ретроградистую бороду, потаскать за нее хорошенько да ткнуть его кувшинным рылом в квасной патриотизм.

Тургенев, пребывая на чужбине в тягостных раздумьях о судьбах Родины, в языке русском видел опору и надежду. Шишков, живя в своей Отчизне, находился в еще более тягостных раздумьях — как о судьбе родины, так и о судьбе ее опоры. Опора эта рушилась на его глазах, словно лед Чудского озера под рыцарями Ливонского ордена. «Есть ли хоть один дом, кроме самых бедных, в котором бы детей наших воспитывали не французы?» — горько взывал к собравшимся президент академии Российской. И приводил в пример слова дворянина Силы Андреевича Богатырева, кавалера Георгиевского и Владимирского: «Господи помилуй! Чему детей нынче учат? Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот и умен и хорош, которого француз за своего брата примет. И понять нельзя, что врут и что делают; всему свое названье: Бог помочь — бон-

жур; отец — *монсье*; старуха мать — *маман*; холоп — *монами*; мошна — *ридикюль*. Только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски, и словом, и делом, и помышлением французскую! Отечество их — на Кузнецком мосту, а Царство небесное — Париж. Старухи и молодые сошли с ума; все стало каша кашей! — бегут замуж за французов и гнушаются русскими; одеты, как мать наша Ева в раю: сущие вывески торговой бани либо мясного ряду! Ох, тяжело! Дай Боже сто лет здравствовать Государю нашему! — а жаль дубины Петра Великого! Взять бы ее хоть на недельку из Кунсткамеры, да выбить дурь из дураков и дур!» [3]

Свое понимание глубинной связи языка и нации Шишков выразил в словах: «Хочешь погубить народ, истреби его язык!» И в этом предостережении ученого-патриота было не меньше правды и радения государственного, нежели в пламенных призывах декабристов, отдельные из которых после провала восстания ходатайствовали, чтобы их допрашивали на французском — ввиду слабого знания языка, на котором изъяснялся столь любезный их сердцу русский мужик.

Итак, чего же лучше быть русским? Ответ однозначен: лучше того, чем быть русским, — быть русским не в России.

Зри в корень!

Свой язык постигается по-настоящему лишь в сопоставлении с другими языками. Именно на фоне сравнения с другими языковыми картинками мира рельефнее проступает тот рисунок кисти, который нанесли на вербальное полотно наши языковые предки. Счастливы не ведая о политкорректности, они с размахом приписали всему и вся половые признаки. Не изучив морфологии, они склонили имена к рациональной флективной гибкости. Не вместив свои чувства в коренную часть слова, они изобрели сложнейшую суффиксальную систему. А корень? Корень слова превратили в вечный источник жизни в языке. Будучи раз ословленным, он дает кровь и плоть свою другим словам и затем, словно богомол, оплодотворивший самку, умирает в их гибельных объятьях. Ведь только в славянских языках образ, заключенный в корне, дает жизнь словам самой различной референтной соотнесенности. Взять, к примеру, корень *-чин-* и взглядеться в его разношерстное, разноперстое потомство: тут вам и чин и чиновник, почин и зачинщик, начинить и починить, причинить и учинить. Какие разные референтные понятия вылупляются из одного и того же гнезда, разлетаясь по миру в разные стороны света! И как образно и

точно этот процесс описывает Шишков: «Мы различаем в каждом слове любого языка два понятия или значения, из которых одно называем *коренным*, а другое *ветвенным*. Коренное, относясь ко многим вещам, не определяет ни одну из них, но только показывает нечто всем им сродное или свойственное. Ветвенное, напротив, определяет каждую вещь порознь. *Зная первое, мы не можем еще знать второго*. Всякая извлеченная из корня ветвь сохраняет в себе его, следственно, и значение свое от него заимствует. Случается часто, что коренное значение затмевается ветвенным и *даже совсем от очей разума исчезает*» [3].

Наблюдение за судьбой кочующих корней в различных славянских языках способно предоставить очам нашего разума еще более причудливую картину. Взять хотя бы, к примеру, *блуждания* корня «*блуд – bład*» в русском и польском языках – от нецеленаправленного, неосмысленного движения: *блуждать – błądzić* к польским «ошибке» и «сумасшествию» – *bład, obłąd* и к русскому *блуду*. И по пути следования этих блудных корней нас постигает неожиданный вопрос: так что же есть «блуд» – *bład* или *obłąd*?

Увы, блуждания министра и адмирала Шишкова по следам корней также зачастую оценивались современниками в парадигме: *bład* или *obłąd*, ошибка или сумасшествие. И дело тут в том, что создавая свой «Славянорусский корнеслов», Шишков не ограничил себя бесстрастной научной целью: обнаружить и описать словообразовательные гнезда славянских корней. Его цель поистине мегаломанна, хотя и берет свои корни из галлофобии.

Когда болезнь жестокая – франкофилия – Россию страстно охватила,

Один Шишков алкал родных корней для суетной страны своей....

Откуда есть пошли земли

«Мысль человеческая, переходя от одного понятия к другому, смежному с ним, рождает слова и составляет целые семейства их. Почти каждое слово в языке нашем принадлежит к какому-нибудь из таких семейств и само собою показывает источник, откуда оно течет, то есть первоначальную, породившую его мысль. В языках, которые не коренные, но составлены из разных языков, мы того не замечаем или замечаем гораздо меньше» [3], – писал Шишков. Исходя из этого наблюдения, он выстраивает свой «Славянорусский корнеслов» с целью доказать роль русского языка как мирового праязыка.

Но не стоит думать, что «Корнеслов» Шишкова представляет собой некий привычный тип словаря, в котором собраны и описаны слово-

образовательные гнезда. Форма этого лингвопублицистического произведения уникальна: анализ «деревьев слов», выращенных из одного корня, перемежается размышлениями и эссе, свидетельствами современников и стихотворными произведениями. Шишков предполагал, что все слова произошли от основных первоначальных корней, поэтому главы его книги часто носят такие названия: «Дерево слов, стоящее на корне КР, ГР, ХР: крест, корень, скорбь, гордость, грех» или «Дерево слов, стоящее на корне ТР: страсть, труд, страна, прост». При этом сквозь всю книгу путеводной звездой проходит мысль: язык наш — древо жизни на земле и... отец наречий иных.

«Иностранным словотолкователям, для отыскания первоначальной мысли в употребляемых ими словах, следует прибегать к нашему языку: в нем ключ к объяснению и разрешению многих сомнений, который тщетно в своих языках искать будут» [3], — указывал исследователь, демонстрируя разбор слов следующего порядка:

Разберем семейство, означающее *слово*: *ворд* английское, *ворт* немецкое, *орд* датское, *орт* шведское, *воорд* голландское. Далее Шишков рассуждает: «Имена сии могли пойти от славянского *говорить* и значить то же, что *говор* или *слово*. Если отбросить слог *го*, то *ворить* весьма близко подойдет к словам *ворт*, *ворд*, *орд*. Латинское *verbum*, испанское *verbo*, французское *verbe* также отсюда произошли. Если из *говорить* произвесть *говорьба* (вместо разговоры, говорение) и откинуть *го*, то *ворба* с *verbo* будут совершенно сходны между собой. Притом слог *го* в *говорить* не составляет корня, который заключен в буквах *ор*. У нас простонародное *орать* приемлется в смысле *шуметь*, *говорить громко*. Глаголами *урчать*, *ворчать*, *журчать*, *рычать* изъясняются также разные глаголизменения» [3].

Идеи А. С. Шишкова были отвергнуты лингвистической наукой, упрекающей автора в ненаучности и ура-патриотической попытке сделать из России «родину слонов». Но разве можно вообще говорить об абсолютной научной объективности исследований периода раннего детства языков, основанных на компаративистике и субъективных реконструктивных методах? Все из них — от идеи Томаса Юнга об индоевропейских языках до теории российского лингвиста Сергея Старостина о возникших 15 тысяч лет назад ностратических языках — носят в большей или меньшей степени гипотетический характер. Но, даже будь идея Шишкова вполне достоверна с научной точки зрения, разве были бы у нее шансы на всеобщее признание? Как заметил В. А. Чудинов, «мне вполне понятно, почему эта замечательная гипотеза не нашла поддержки у представителей академической лингвистики: по-

сколькx идея происхождения европейских языков от русского интересна только самим русским людям, но никак не иностранцам» [2].

Возможно, наш герой был пристрастен, но он и не скрывал этого. Более того, подчеркивал сам: Отечество «требуется от нас любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила в один пол к другому. Отними у нас слепоту видеть в любимом человеке совершенство, дай нам глаза посреди самого сильнейшего пламени нашего усматривать в нем некоторые недостатки, некоторые пороки; возбуди в нас желание сличать их с преимуществами других людей: ум начнет рассуждать, сердце холодеет, и вскоре человек сей, ни с кем прежде несравненный, делается для нас не один на свете, но равен со всеми, а потом и хуже других. Так точно Отечество» [3]. Скажите, разве это не единственный верный способ любить отечество? А в нем — равных адмиралу и министру Шишкову сыщется немного.

Концепт Отечества в ту пору вмещал алтарь, царя и кров(ь),
И на обломках этого концепта — фамилия стоит — Шишков(ь).

*Так корни говорят листам:
Мы те,
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева,
на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час.
Но только помните
ту разницу меж нас,
Что с каждой весной
лист новый народится,
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас.*

И. А. Крылов

Список литературы

1. Сусов А. А. Понятие vs. Концепт // Тверской лингвистический меридиан. Тверь, 2003. Вып. 4. С. 3–10.
2. Чудинов В. А. Рецензия на книгу И. Л. Лыкина «Корнеслов». URL: <http://chudinov.ru/korneslov/1/> (дата обращения: 5.02.2011).
3. Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. URL: <http://freebooks.net.ua/29576-aleksandr-shishkov-slavjanorusskij-korneslov.html> (дата обращения: 5.04.2011).
4. Шишков, Александр Семенович // Википедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Шишков,_Александр_Семенович (дата обращения: 5.02.2011).